

Вэй Чэнцзэ сосредоточил духовную силу, превращая её в тончайшие нити, которые влил в зажатую в руке струну. Подняв ногу, он двинулся туда, откуда доносилось странное гудение.

В этой непроглядной тьме даже Вэй Чэнцзэ утратил способность ощущать время и пространство. Ему оставалось лишь следовать за прерывистым, вибрирующим звуком, не останавливаясь ни на миг.

Неизвестно, сколько времени он прошагал, но внезапно перед глазами блеснул свет. Вэй Чэнцзэ невольно зажмурился, а когда зрение прояснилось, он обнаружил, что перенёсся в другое место.

Зелёная черепица, красные стены, высокие каменные ограды — благодаря памяти этого тела Вэй Чэнцзэ узнал родной дом в его прежнем облике.

Звук исходил из глубины усадьбы. Не замедляя шага, Вэй Чэнцзэ направился прямо в иллюзорный мир, принадлежавший Вэй Цзыаню.

Оказавшись во дворе, он без особого труда обнаружил Вэй Цзыаня у колодца — а рядом с ним человека, который прижимал голову юноши к самому краю. Лицо незнакомца было точь-в-точь как у него самого.

— Как думаешь, если я брошу тебя вниз, а потом скажу главе клана и его супруге, что ты, никчёмный слабак, оступился и утонул, какова будет их реакция? — Не заметив присутствия настоящего Вэй Чэнцзэ, двойник расплылся в злобной ухмылке и сильнее вдавил голову Вэй Цзыаня в колодец. В его голосе сквозила неприкрытая ненависть. — Наверняка они решат, что избавились от огромной обузы! В конце концов, у такого главы семьи не должно было родиться столь бесполезное создание!

Вэй Чэнцзэ, наблюдавший за сценой со стороны: ...

Молча сопровождая Вэй Чэнцзэ в этом наблюдении, 5438 не выдержал, когда иллюзорный двойник швырнул Вэй Цзыаня на землю и принялся жестоко топтать его лицо:

— Хозяин, вы когда-нибудь делали подобное?

— Конечно, нет, — Вэй Чэнцзэ с интересом наблюдал за тем, как человек с его лицом выражает эмоции, которые ему самому были чужды, и совершает поступки, на которые он бы никогда не пошёл. Это казалось ему весьма занятным. Он стоял в стороне, с удовольствием комментируя действия своего двойника: — Подобное поведение — удел пушечного мяса, это слишком портит собственный имидж. Если бы я взялся за дело, даже сам пострадавший не понял бы, что я к этому причастен.

...Прямо как Цинь Цзыцзинь и Лю Жуюй? — не удержался от едкого замечания 5438.

— Прямо как Цинь Цзыцзинь и Лю Жуюй, — Вэй Чэнцзэ слегка прищурился, и в его голосе прозвучал глубокий подтекст.

5438: ...

Мысленно поставив свечку за упокой некоторых личностей, система продолжила наблюдать за сценой издевательств, всё ещё не в силах понять:

— Значит, оригинал тоже этого не делал?

— А ты как думаешь? — Вэй Чэнцзэ приподнял бровь. 5438 тут же прикусил язык.

Как система, выбравшая для Вэй Чэнцзэ тело, он знал об оригинале не меньше самого хозяина. Он прекрасно понимал, что тот Вэй Чэнцзэ до момента уничтожения клана почти не пересекался с Вэй Цзыанем. Можно сказать, что из десятков людей в поместье, если не считать родителей, меньше всего конфликтов с Вэй Цзыанем было именно у оригинала. По правде говоря, именно поэтому 5438 и выбрал его в качестве объекта для переселения.

5438: И вовсе не потому, что у них имена одинаковые!

Однако, раз ни Вэй Чэнцзэ, ни оригинал не причиняли Вэй Цзыаню подобного вреда, откуда же в иллюзии взялась эта сцена? Хозяин, какую же глубокую психологическую травму вы ему нанесли?!

5438 полагал, что Вэй Цзыань спроецировал все свои жизненные неудачи на Вэй Чэнцзэ. Хотя искать объект для ненависти, чтобы оправдать собственные поражения, — дело житейское, но, глядя на состояние Вэй Цзыаня, система почувствовала странную жалость. Столько лет работая системой, он впервые видел главного героя, которого довели до такой ручки.

Посмотрев ещё немного, Вэй Чэнцзэ потерял интерес. Как он и сказал, подобные методы слишком примитивны. Даже несмотря на то, что двойник носил его лицо — пусть и не истинное, — долго смотреть на это было скучно. Взглянув на вибрирующую нить на запястье, он перестал обращать внимание на разыгрывающуюся драму и, обойдя их, двинулся вглубь двора.

Дальше подобных фарсов не было, зато встречалось немало следов разрушений, а в воздухе всё ещё витали остатки духовной энергии. Чем дальше он заходил, тем сильнее становились разрушения, а вид не успевших высохнуть пятен крови выглядел пугающе. Стоило сделать ещё шаг, как пейзаж внезапно сменился: вокруг лежали руины, опалённые пламенем. Небо затянуло тучами, в воздухе запахло сыростью.

Эта иллюзия была до ужаса реалистичной, неудивительно, что попавшие в неё люди теряли

связь с реальностью.

С неба закапал дождь. Вскоре он превратился в сплошную пелену, скрывающую всё вокруг, словно тонкой вуалью. Всё было точно так же, как в тот день, когда Вэй Чэнцзэ впервые попал в этот мир.

Двое юношей стояли друг напротив друга под дождём. Внезапно на губах того, кто стоял, появилась странная улыбка. Он пнул обломок меча, и тот вонзился в шею лежащего на земле юноши.

— В то время я не улыбался так пошло, — Вэй Чэнцзэ недовольно нахмурился, глядя на происходящее.

...Разве это самое важное?! — 5438 уже привык к тому, что его сарказм стал единственным способом справляться с логикой хозяина.

В небе без предупреждения сверкнула молния, но движения человека оказались быстрее.

Мужчина в светло-сером халате, лет двадцати, с чертами лица, напоминающими Вэй Чэнцзэ, но с мрачным, хищным выражением, взмахнул мечом, отбивая обломок. Его клинок, не теряя инерции, устремился к стоящему юноше. Однако, прежде чем острое вонзилось в грудь, сбоку вылетел тонкий меч и точно заблокировал смертельный выпад. Мужчина не стал атаковать снова, а отступил, глядя на противника налитыми кровью глазами, и по слогам выплюнул:

— Вэй... Чэн... Цзэ.

В его голосе слышалась жгучая ненависть. Вэй Чэнцзэ слегка дрогнул, но не стал контратаковать, лишь встал рядом с юношей, не опуская меча.

Двое юношей, двое мужчин, начало десять лет назад и финал сегодня. Даже Вэй Чэнцзэ, который сам указал Вэй Цзыаню путь к этой шахматной партии, не ожидал такого совпадения. Впрочем, так стало только интереснее, не так ли?

Вэй Чэнцзэ посмотрел на повзрослевшее, лишившееся детской мягкости лицо и, помолчав, произнёс:

— Ты не должен нападать на них.

Это звучало как наставление, но в его устах прозвучало сухо, как приказ. В ушах того, кто и так его ненавидел, это лишь подлило масла в огонь.

Вэй Цзыань усмехнулся и, не говоря ни слова, бросился в атаку.

До прихода Вэй Чэнцзэ Вэй Цзыань уже провёл немало битв в иллюзии, к тому же получил откат от уничтожения чёрных камней. Он был весь в крови, левая рука безвольно висела, а красное пятно на животе стремительно расплзлось. Но его атаки не ослабли — напротив, из-за ненависти и гнева они стали даже острее, чем обычно.

Вэй Чэнцзэ же не вкладывал в удары ни капли убийственного намерения. Он даже не пытался контратаковать, лишь защищался, попутно пытаясь прикрыть юношу, который был неспособен реагировать на выпады Вэй Цзыаня. Естественно, он оказался в невыгодном положении, и вскоре его тело покрылось множеством глубоких и мелких ран.

Если бы Вэй Цзыань сохранял рассудок, он бы заметил неладное. Но его разум был затуманен иллюзией, и кроме жгучей обиды в груди, в нём не осталось ни капли ясности. Вэй Чэнцзэ отступал, а Вэй Цзыань нападал всё яростнее.

Под таким напором Вэй Чэнцзэ был вынужден перейти на более глубокую технику — Искусство Небесного Мрака. Вэй Цзыань, изучавший её почти десять лет, не мог этого не заметить. Он бросил на противника взгляд и холодно усмехнулся:

— Ты всё-таки пришёл из-за Искусства Небесного Мрака.

Вэй Чэнцзэ замер, его движения замедлились. Вэй Цзыань не упустил шанса и без колебаний вонзил меч в живот Вэй Чэнцзэ.

Силы Вэй Чэнцзэ и так уступали, он не желал убивать, а теперь, будучи раненым, совсем сдал позиции. Пытаясь отбить очередной выпад, он отступил в сторону, но этот жест открыл юношу, лежащего позади. Вэй Цзыань не собирался останавливаться. Видя, как острие приближается к лежащему, Вэй Чэнцзэ поджал губы и бросился наперерез.

Холодное лезвие пронзило грудь Вэй Чэнцзэ. Он застыл, из уголка его рта потекла кровь. Обернувшись, он посмотрел на невредимого юношу, и в его глазах промелькнуло облегчение.

Действие Вэй Чэнцзэ было настолько неожиданным, что Вэй Цзыань замер, позволив противнику упасть к себе в объятия.

Раны Вэй Цзыаня были тяжёлыми, он держался лишь на безумии и ненависти. Теперь, когда напряжение спало, он вместе с Вэй Чэнцзэ рухнул на землю.

Боль от раны, на которую давил Вэй Чэнцзэ, была невыносимой, но Вэй Цзыань словно не чувствовал её. Он смотрел на юношу, который, как и он сам, не понимал, что произошло, и пробормотал:

— Почему?..

Неизвестно, какой механизм был запущен, но окружающий мир начал дрожать и рассыпаться,

словно светлячки. Вэй Цзыань опустил голову и встретился взглядом с Вэй Чэнцзэ. Глаза этого человека были самого чистого чёрного цвета, прозрачные, как горный ключ, без единой примеси.

Вэй Цзыань вдруг осознал, что никогда не видел в этих глазах ни презрения, ни ненависти.

Пока Вэй Цзыань пребывал в оцепенении, Вэй Чэнцзэ медленно приподнял уголки губ, одарив его первой и последней улыбкой:

— Кажется, если один из нас умрёт, эта партия закончится... Как же... хорошо...

Из-за тяжёлой раны он говорил прерывисто, но в его голосе сквозило явное облегчение. Вэй Цзыань смотрел на тёмное пятно, расплывающееся на груди Вэй Чэнцзэ, и не мог вымолвить ни слова. Меч всё ещё торчал в груди Вэй Чэнцзэ, но он не мог заставить себя вытащить его.

Прислонившись головой к груди Вэй Цзыаня, Вэй Чэнцзэ часто дышал. Внезапно он тихо рассмеялся, и его голос, охрипший от боли, приобрёл странную притягательность:

— Я никогда не думал, что смогу оказаться так близко к тебе.

Вэй Цзыань замер, не в силах понять смысл слов, а собеседник не собирался ничего объяснять.

Сильно закашлявшись, Вэй Чэнцзэ выплюнул кровь, и дышать стало чуть легче. Он протянул руку и схватил Вэй Цзыаня за запястье. Мягкая духовная энергия потекла из его пальцев, шаг за шагом восстанавливая повреждённые каналы Вэй Цзыаня. Это до боли знакомое ощущение заставило Вэй Цзыаня расширить глаза и в шоке посмотреть на человека в своих руках:

— Ты... — его губы дрожали, он не мог вымолвить ни слова.

Вэй Чэнцзэ, казалось, не собирался его слушать. Он продолжал лежать на нём, медленно и тщательно прочищая его каналы:

— Я же говорил тебе, та техника демонического пути слишком свирепа. Пока не достигнешь Золотого Ядра, пока не закалишь каналы, не используй её вместе с Искусством Небесного Мрака. В следующий раз найди что-то более мягкое, чтобы питать каналы... Хотя нельзя слишком полагаться на артефакты, но совсем без них нельзя. У меня есть... Не ходи вечно с такой хмурой физиономией, это не нравится людям... И не перебирай едой. Когда ты жил в доме Вэй, ты так аппетитно уплетал паровые булочки с бобовой пастой, почему же после начала обучения стал таким привередливым?..

От проблем с культивацией он перешёл к бытовым мелочам. Вэй Чэнцзэ болтал без умолку, будто хотел успеть высказать всё, что не успел сказать раньше и не смог бы сказать потом. Руки Вэй Цзыаня непроизвольно задрожали.

— О чём ты говоришь? — Вэй Цзыань не выдержал и прервал его. Это был вопрос, но из-за

дрожи в голосе он звучал как рыдание. — О чём ты... чёрт возьми, говоришь?

Однако ответа не последовало. Он опустил голову и увидел, что человек в его руках закрыл глаза. Уголки его губ были слегка приподняты, словно он погрузился в сладкий сон.

По белой нефритовой табличке поползли трещины, и от лёгкого прикосновения она рассыпалась в пыль.

Лицо Цинь Цзыцзиня изменилось, он резко вскочил и, не обращая внимания на изумлённую Лю Жуюй, покинул пик Юньхэнь. Фу Анье, скрывавшийся в тени, тоже почувствовал неладное и посмотрел в сторону, куда ушёл Вэй Чэнцзэ, ощущая необъяснимую тревогу.

Последняя чужая капля энергии в каналах иссякла, тьма вокруг мгновенно рассеялась. Вэй Цзыань смотрел на свои пустые руки, его взгляд был затуманен.

— Господин! — Цзыань! — Как только давление, сдерживавшее окружающих, исчезло, к нему тут же бросились люди. Вэй Цзыань смотрел на их обеспокоенные лица, не в силах прийти в себя, пока чей-то возглас не вернул его к реальности:

— Господин Вэй!

Словно очнувшись от сна, Вэй Цзыань поднял голову. Его доверенный помощник стоял по другую сторону шахматной доски, а человек, только что лежавший у него на руках, теперь бездыханно покоился в объятиях другой девушки.

— Господин Вэй? Господин Вэй! — остальные тоже вскрикнули, глядя на Вэй Чэнцзэ с нескрываемым ужасом. Вэй Цзыань молчал.

— Он... мёртв, — спустя долгое время произнесла Бай Цзинь тяжёлым голосом. Она повернулась к Вэй Цзыаню, и в её глазах читалась скорбь. — Скажи мне, господин Вэй попал в ловушку этой шахматной партии?

Вопрос Бай Цзинь заставил Вэй Цзыаня вздрогнуть. Он посмотрел на девушку в простом платье и вдруг почувствовал к ней странную чужеродность. Подавив это чувство, он попытался растянуть губы в улыбке:

— О чём ты говоришь?

— Я спрашиваю, — Бай Цзинь глубоко вздохнула, не сводя с него глаз, — ты нападал на господина Вэя?

Хотя это был вопрос, в нём не было ни капли сомнения. Проведя рядом с Вэй Цзыанем так много времени, она прекрасно знала его оружие. Она видела, чьих рук дело эти раны. Ей просто нужно было услышать ответ из его уст.

Возможно, напор Бай Цзинь был слишком сильным, и тревога, копившаяся в груди с того момента, как Вэй Чэнцзэ упал в его объятия, наконец вырвалась наружу в виде гнева:

— Ну и что, если это сделал я? — он смотрел на неё с ледяной яростью. — Наша вражда длилась не один день. Теперь, когда я убил его, разве ты не должна радоваться за меня... — Хлоп!

Голова Вэй Цзыаня дёрнулась в сторону. Он медленно повернул лицо и с удивлением обнаружил, что ударила не Бай Цзинь. Девушка в травянисто-зелёном платье до крови закусил губу, её глаза были полны слёз.

Она смотрела на него, задыхаясь от рыданий:

— Ты хоть знаешь... что господин Вэй сделал для тебя?

Что Вэй Чэнцзэ сделал для него? Вэй Цзыань перевёл взгляд на вторую девушку, чьи глаза тоже были красными, и в его душе поселился страх. Он хотел закрыть уши, хотел заставить их замолчать, хотел сбежать, но не мог пошевелить даже пальцем. Ему оставалось лишь слушать каждое слово.

— Хотя господин Вэй просил, чтобы даже после его смерти мы не говорили тебе об этом, но... — её ресницы дрогнули, и слёзы покатались по щекам, — я не могу молчать.

— Ты правда думаешь, что это я тебя спасла? — она горько усмехнулась, и слёзы хлынули ещё сильнее. — Я всего лишь дочь простого лекаря, как я могла нести на себе тяжелораненого мужчину так далеко? Такие раны... ни я, ни мой отец не смогли бы исцелить. С самого начала... лечил тебя вовсе не мы.

Вэй Цзыань тупо смотрел на неё, словно не понимая, о чём идёт речь — или не желая понимать.

То, что он считал шансом, случайностью, на самом деле было помощью, которую другой человек тайно оказывал ему. Даже люди, которым он доверял больше всего, были посланы к нему этим человеком.

— Вы... вы с самого начала знали... — пробормотал Вэй Цзыань, глядя на них троих.

Бай Цзинь отвела взгляд. Она посмотрела на бездыханное тело Вэй Чэнцзэ, и в её глазах отразилась невыносимая печаль:

— Господин Вэй говорил, что между вами слишком много недопониманий. Даже если он попытается объясниться, ты не станешь слушать. Лучше пусть твоя ненависть к нему станет опорой, чтобы ты мог жить дальше.